духомъ пропитаны также его взгляды на возникновенiе матерiи и происхожденiе зла.

Темы, затронутыя Баадеромъ въ послѣднiй перiодъ его творчества, крайне разнообразны. Съ точки зрѣнiя Православiя интересно, что онъ ожесточенно боролся противъ обмiрщенiя католической церкви и отвергалъ приматъ папства. Очень занимали его натурфилософскiя проблемы. Механическое естествознанiе, основанное на атомистической теорiи, возбуждало въ немъ отвращенiе, и онъ стремился направить науки о природѣ въ русло своихъ теософическихъ воззрѣнiй. Въ связи съ этимъ привлекали его вниманiе феномены парапсихическiе. Кромѣ того онъ занимался философiей языка, искусства, исторiи, права и соцiальной философiей. Ему, правда, не удалось осуществить того, къ чему онъ въ конечномъ результатѣ несомнѣнно стремился: привести все это необычайное богатство мотивовъ въ стройную систему мiросозерцанiя. Но идейное содержанiе написанныхъ имъ отрывковъ въ значительной мѣрѣ возмѣщаетъ этотъ недостатокъ, на которомъ впрочемъ съ русской точки зрѣнiя наврядъ ли приходится настаивать, если принять во вниманiе коренное недовѣрiе большинства русскихъ мыслителей къ системамъ, якобы насилующимъ живую мысль. Нельзя не согласиться съ заключительной оцѣнкой Баумгарта, который не колеблясь ставитъ Баадера, на основанiи даннаго имъ разбора его философскаго творчества, на одну ступень съ Шеллингомъ.

Николай Бубновъ.

AUGUSTIN JAKUBISIAK. Essai sur les limites de l'espace et du temps. Книга польскаго католическаго священника А. Якубизiака «имѣетъ болѣе широкiй интересъ, чѣмъ это можно было бы заключить по ея заглавiю. Она заключаетъ въ себѣ очень острую проблематику, связанную съ пространствомъ и временемъ, и въ ней намѣчается цѣлое мiросозерцанiе, не только научно-философское, но и религiозно-философское. Книга защищаетъ очень парадоксальный тезисъ: не только реально не существуетъ времени, но не существуетъ и движенiя. Иллюзiя времени порождена слабостью нашего сознанiя, неспособностью вмѣстить полноту. У автора два врага, которыхъ онъ хочетъ поразить — монизмъ, утверждающiй непрерывность, и эволюцiонизмъ, утверждающiй измѣнчивость. И положительный паѳосъ, которымъ онъ вдохновляется, есть паѳосъ персонализма — идеи личности и ея вкорененности въ неизмѣнномъ бытiи, въ которомъ она занимаетъ фиксированное мѣсто. Авторъ — католикъ,

котораго нельзя назвать ортодоксальнымъ томистомъ, хотя еще менѣе онъ привერженъ философіи дѣйствія модернизма. Отъ Св. Ѳомы Аквината его отдѣлаетъ отношеніе къ проблемѣ индивидуальнаго. Но по основамъ своего міросозерцанія онъ слѣдуетъ традиціямъ античной и средневѣковой философіи и не пріемлетъ философіи нѣмецкой, начиная съ Канта. Наиболѣе близокъ онъ Лейбницу и его манадологіи. Мы имѣемъ дѣло съ совершенно статическимъ міросозерцаніемъ, которое принуждено признать всякое движеніе въ мірѣ иллюзіей. Во внѣвременномъ бытіи все свершилось, все занимаетъ свое опредѣленное мѣсто, но для нашего слабаго и ограниченнаго сознанія разворачивается по частямъ во времени. Авторъ книги находится въ глубокомъ противленіи динамизму нашей эпохи, для него христіанское міросозерцаніе статично и покоится на томъ, что онъ называетъ «la fixité des choses». Онъ защищаетъ прерывность и рѣзко критикуетъ всѣ ученія о непрерывности. Каждый индивидумъ занимаетъ фиксированное мѣсто въ пространствѣ и этимъ опредѣляется неизмѣнное бытіе индивидума и невозможность смѣшенія его со всѣмъ остальнымъ. Въ своихъ построеніяхъ авторъ широко пользуется матеріаломъ математическихъ и естественныхъ наукъ, говоритъ объ Эйнштейнѣ и законѣ относительности и книга его носитъ характеръ научнаго изслѣдованія о просторстранствѣ и времени. Авторъ мало считается съ новѣйшей нѣмецкой философской литературой.

Но намъ интересна сейчасъ другая сторона его книги. Она проникнута опреѣѣленнымъ метафизическимъ и религіознымъ міросозерцаніемъ и это особенно видно по заключительной главѣ, гдѣ авторъ пытается согласовать свою философію съ традиціями христіанской теологіи, пользуясь для этого болѣе всего Бл. Августиномъ. Философія, отрицающая реальность времени и движенія, встрѣчаетъ трудности въ объясненіи міротворенія и искупленія. Нельзя сказать, чтобы эти трудности автору вполнѣ удалось преодолѣть. Что о. А. Якубизіакъ не пріемлетъ распространеннаго богословскаго ученія о твореніи во времени, въ этомъ онъ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Но христіанство есть откровеніе Бога въ исторіи и ему свойственъ исключительной исторической динамизмъ. Между тѣмъ какъ въ міросозерцаніи автора нѣтъ мѣста для исторіи, для смысла историческаго процесса. Самая большая трудность для философіи о. А. Якубизіака связана съ проблемой свободы. Онъ самъ это сознаетъ и предполагаетъ посвятить этой проблемѣ спеціальное изслѣдованіе. Если все извѣчно завершено, занимаетъ свое неизмѣнное мѣсто, если будущее не реально, то непонятно, какъ возможемъ антъ свободы. Авторъ долженъ прійти къ ученію о предопредѣленіи, отрицающему свободу. Онъ допускаетъ, что

свой выборъ человѣкъ совершилъ внѣвременно и мгновенно. Но тогда жизнь наша цѣликомъ опредѣлена этимъ изначальнымъ выборомъ и свободное усилiе теряетъ свое значенiе. Съ точки зрѣнiя ученiя о времени авторъ скажетъ, что всѣ свободныя усилiя втеченiи нашей жизни входятъ въ изначальный внѣвременный актъ выбора и лишь постепенно развертываются вслѣдствiи слабости нашего сознанiя и вниманiя. И мы склонны думать, что все свершается въ вѣчности и наше время есть лишь эпизодъ внутри вѣчности. Но движенiе во времени, за которымъ скрыты свободныя усилiя, имѣетъ реальное значенiе для вѣчности. Точка зрѣнiя о. А. Якубизiака возможна для Бога, но не для человѣка. Можно еще говорить, что времени не существуетъ, что оно имѣетъ лишь субъективную, а не объективную природу, но невозможно отрицать реальности измѣненiя, движенiя. Если всякое движенiе и измѣненiе порождено лишь ограниченностью сознанiя, лишь слабостью нашего вниманiя, то вѣдь приходится все же допустить реальность, существенность самаго измѣненiя нашего сознанiя, послѣ котораго намъ открывается то, что раньше было закрыто. Преображенiе мiра, въ которое вѣрятъ христiане, новое небо и новая земля будутъ ли реальнымъ измѣненiемъ, подлиннымъ движенiемъ? Если движенiе порождено слабостью нашего сознанiя, то возможно измѣненiе сознанiя, которое есть уже движенiе, не зависящее отъ иллюзiй сознанiя. Это есть основная трудность всякой теорiи, пытающейся отрицать реальность времени и движенiя. Авторъ хочетъ остаться въ традицiи элейской философiи. Но столь статическое ученiе о бытiи врядъ ли возможно для христiанскаго сознанiя. Авторъ думаетъ, что динамическое мiросозерцанiе, допускающее реальность времени, измѣненiя и движенiя, разрушаетъ личность, которой онъ больше всего дорожитъ. Онъ хочетъ утвердить личность, отведя ей фиксированное мѣсто въ пространствѣ, которое для него реально, и отдѣливъ ее отъ другихъ личностей и отъ всего мiра. Но личность есть Божья идея и замыселъ, поставленный передъ человѣческимъ индивидумомъ, она осуществляется въ свободѣ и динамикѣ. Духовное общенiе и любовь преодолѣваетъ границы, раздѣляющiя личности, мистическiй опытъ преодолѣваетъ пространство. Принадлежность къ мистическому Тѣлу Христову дѣлаетъ личности не раздѣленными пространствомъ, а соединенными внутренно при сохраненiи личности. Но при всемъ нашемъ несогласiи съ основной тенденцiей о. А. Якубизiана мы должны сказать, что книга его интересна, остро ставитъ проблемы, отличается большой ясностью мысли и изложенiя, удивительныхъ потому, что онъ не французъ, и заслуживаетъ вниманiя и прочтенiя.

Ник. Бердяевъ.

Imp de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.